

RU

Сочетаемость слова «будущее» как лингвокогнитивный инструмент изучения образной семантики поэтического концепта

Халикова Н. В., Шаталова О. В.

Аннотация. Цель исследования – представить различные механизмы когнитивного моделирования как способа обнаружения целостности и устойчивости образной системы поэтического языка. В статье рассмотрена семантическая репрезентация одного элемента образно-ассоциативного уровня концепта БУДУЩЕЕ – лексемы «будущее» в сопоставлении с элементом «прошлое» того же концептуального макрополя «Время». Научная новизна заключается в том, что установлены общие закономерности образной концептуализации фрагмента поэтической действительности – универсалии Будущее. В результате исследования установлено, что развитая на базе когнитивных метафор система образных парадигм характеризуется устойчивостью и воспроизводимостью, служит для хранения и передачи способов поэтического мышления в языковых формах. Лексическая сочетаемость при изучении асимметрии соположенных художественных концептов как самостоятельных единиц художественного дискурса становится действенным инструментом выявления образно-ассоциативного содержания концепта. Словосочетания предикативного и непредикативного типа по-разному служат задаче когнитивного моделирования. Семантическая сочетаемость лексемы – репрезентанта концепта обладает устойчивостью в поэтическом языке как вторичной семиотической системе.

EN

Collocability of the word будущее (the future) as a linguocognitive tool for studying the figurative semantics of a poetic concept

Khalikova N. V., Shatalova O. V.

Abstract. The study aims to present various mechanisms of cognitive modelling as a way to detect integrity and stability in the figurative system of poetic language. The paper considers the semantic representation of one element of the figurative-associative level of the FUTURE concept, i.e., the lexeme будущее (the future) in comparison with the element прошлое (the past) of the same conceptual macro-field "Time". The scientific novelty lies in identifying the general patterns of figurative conceptualization of a poetic reality fragment, i.e., the Future universal. As a result of the study, it was found that the system of figurative paradigms developed on the basis of cognitive metaphors is characterized by stability and reproducibility, serves to store and transmit methods of poetic thinking in linguistic forms. When examining asymmetry of related literary concepts as independent units of literary discourse, collocability becomes an effective tool for identifying the figurative-associative content of the concept. Predicative and non-predicative phrases perform the task of cognitive modelling in different ways. The semantic compatibility of the lexeme representing the concept is stable in poetic language as a secondary semiotic system.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена поисками решения вопроса о системности поэтического языка, взаимосвязи языковой семантики с когнитивными структурами и механизмами. Такого рода исследования позволяют установить общие закономерности концептуализации действительности. Структуры естественного языка не просто становятся «средством создания» двуплановости и образного содержания в каждом конкретном произведении, но функционально преобразуются, подчиняются задачам особого типа художественной коммуникации – становятся элементами иной семиотической системы, иного типа мышления. Словесный образ в поэтическом языке – это типичное индивидуальное соответствие между означаемым (универсалией, концептом) и означающим (образом), что и выражается наличием (в языке художественной литературы) или отсутствием (в автоматизированной коммуникативной речевой сфере) стилистического приема.

Для достижения вышеуказанной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- сопоставить различные методики дискурсивного анализа содержательных концептов, выраженных абстрактной лексикой и лишенных образно-перцептивной семантики;
- определить особенности когнитивного моделирования на примере сочетаемости лексемы *будущее* в языке художественной литературы в сопоставлении с языком СМИ;
- провести концептуальный анализ образно-ассоциативного содержания с помощью сопоставительного анализа данных художественного, поэтического и газетного подкорпусов Национального корпуса русского языка, поэтических словарей.

Материалом для исследования послужила картотека поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ. <https://ruscorpora.ru>), личная картотека языкового материала авторов статьи, данные поэтических словарей – всего более 2 тысяч примеров. Для анализа привлекались следующие лексикографические источники:

- Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2006. Т. 4.
- Павлович Н. В. Словарь поэтических образов: на материале русской художественной литературы XVIII-XX веков (СПО): в 2-х т. М.: Эдиториал УРСС, 1999. Т. 1.
- Словарь русского языка (МАС) / под ред. А. П. Евгеньевой. 1957-1984. <https://rus-academic-dict.slovaonline.com>.
- Словарь синонимов русского языка (ССРЯ) / под ред. Л. Г. Бабенко. 2010. https://docs.yandex.ru/docs/view?url=https://www.phantastike.com/ru/slovar_synonimov/doc/.
- Словарь языка русской поэзии XX века (СЯРП) / сост.: В. П. Григорьев. 2001. <https://www.philol.msu.ru/~humlang/slovar.si.expressema/0b5.htm>.

Теоретическую базу исследования составляют традиционные работы Московской лингвистической школы в области лингвопоэтики (В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, А. М. Пешковский, А. А. Реформатский и др.), современной лингвокогнитивистики и лингвопоэтики (Арутюнова, 1999; Григорьев, 1979; Колесов, 2021; Бабушкин, Стернин, 2018), а также базовые положения практического лингвокогнитивного анализа метафоры (Павлович, 1995; Чернейко, 2019). Традиционная лингвопоэтика исследователей Московской лингвистической школы начала XX века может быть дополнена структурным и описательным анализом Тартуской и Петрозаводской научных школ, в частности представлением о языке произведения как о заданном традицией и культурой семантическом пространстве, «некоторой данности», «которая существует до создания текста и одинакова для обоих полюсов коммуникации» (Лотман, 1998, с. 291).

Для проведения сопоставительного исследования метафорической репрезентации абстрактного понятия в данной статье применяются методы компонентного анализа, проекционный, когнитивного моделирования, дистрибутивного и контекстуального анализа, сравнительно-сопоставительный – при выявлении особенностей образно-метафорического содержания в поэтическом языке и языке СМИ.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его материалов при разработке и чтении теоретических и практических курсов, посвященных вопросам лингвопоэтики, художественной стилистики, при составлении фрагментов авторского словаря писателя.

Обсуждение и результаты

Вопрос о **системности языка** художественной литературы, поэтического языка (далее – ЯХЛ или ПЯ) всегда актуален: как описать, классифицировать собственно языковую материю всегда индивидуального образа, а главное, механизм отбора элементов этой материи? Как «разработать в какой-то степени единую систему когнитивного измерения художественного текста», в том числе и таких единиц, которые относятся к «универсальным смыслам, представлениям и отношениям» (Чернейко, 2019, с. 160)? Накопленный лингвопоэтический материал показывает, что системность ЯХЛ имеет вполне самостоятельный характер, если рассматривать его как вторичную семиотическую систему по отношению к естественному языку – как систему лексических и грамматических репрезентаций универсалий и концептуальных полей. Обычно внимание привлекают образно-пространственные и предметно-образные универсалии, такие как *Дом* (Ратковић, 2020), *Горы, Сад, Метель*, (Нагина, 2014), *Лес, Деревья* (Эпштейн, 1990) и др. Смоленская научная школа литературоведения обращает внимание на существование «общехудожественного» слоя лексики, «общего всем писателям» (Баевский, Романова, 2007, с. 291). Художественный стиль в системе русского языка относится к некоммуникативным типам, и универсалия ПЯ (например, рассматриваемое нами здесь Будущее) реализуется в сочетаемостных и контекстуальных формах, не свойственных автоматизированной речи стилей коммуникативных. ЯХЛ по этой причине всегда представляется читателю механизмом деавтоматизации, так называемым средством создания «яркой образности», соотносимой с индивидуализацией личности – «художника» слова. В начале XX века это убедительно показал в своей работе А. Белый (2001, с. 480-485) на примере концептуализации образов луны и солнца в поэзии Пушкина, Тютчева и Баратынского.

Рассматривая поэтический концепт БУДУЩЕЕ, отметим, что предметом нашего анализа является концептуальное значение, которое находится в пределах типичной художественной, то есть образно-ассоциативной, сочетаемости и базовых когнитивных метафор. Вот ряд примеров: *Так долго вместе прожили мы с ней, / что сделали из собственных теней / мы дверь себе – работаешь ли, спишь ли, / но створки не распахивались врозь, / и мы прошли их, видимо, навзничь / и черным ходом в будущее вышли* (И. Бродский); *А за стеной был страшный коридор, / Там будущее пряталось за дверью* (П. Антокольский); *Чтоб будущее втайне развязать, / Я проходил сквозь мысленные стены* (И. Голенищев-Кутузов). Подобная ассоциативность «будущего»

с замкнутой или открытой пространственно-предметной сферой, трактуемая в языке как не-норма, в ПЯ заведомо нормативна, именно ей предписана роль выявления художественных смыслов.

Признаки концептуального значения можно выявить в пределах репрезентирующего его фрагмента идеографического словаря, элементом которого является субстантив *будущее*. Семантическая глубина и сложность этой структуры хорошо показана в словаре синонимов под редакцией Н. Г. Бабенко (ССРЯ). Лексема *будущее* (как и *прошлое*) относится к идеографическому блоку (смысловой сфере) «Восприятие окружающего мира», входит в семантический класс «Время», в смысловую группу «Время относительно момента речи». Это доминанта синонимического ряда существительных: *БУДУЩЕЕ, завтра, высок, грядущее* (ССРЯ). Сигнификативное содержание идентично трактовкам толковых словарей (МАС): «1) время, не совпадающее с моментом речи, такое, которое еще не наступило и отдалено от того, что происходит сейчас; период времени, который последует за настоящим; предстоящие события; 2) БУДУЩЕЕ, перспектива, *книжн.* будущность, *книжн.* судьба. Состояние, положение кого-, чего-либо во время, которое последует за настоящим» (ССРЯ).

Сопоставим с асимметричной лексемой *прошлое*, на фоне которого осмысляется будущее. Во-первых, синонимический ряд *прошлого* значительно расширен, во-вторых, увеличивается семантический объем понятия – прошлое не только мыслится, но представляется как уже созданное и пережитое, потенциально перцептивное: «ПРОШЛОЕ, вчера, былое, минувшее, прежнее, прожитое, прошедшее, старое, устар. быть. Минувшее время, минувшая жизнь. СТАРИНА, древность, прошлое. Прежние, давно прошедшие времена. СТАРИНА, архайка, древность. Всё, что относится к далекому прошлому (о вещах, обычаях), что создано в давние времена и существует с тех пор (курсив наш. – Н. Х., О. Ш.)» (ССРЯ). Вот типичный пример экспликации перцептивного компонента значения: *И вот уходит всё, и я – в тених ночных, / и прошлое горит неярко, / как в череде сквозном, в провалах костяных / зажженный восковой огарок...* (В. Набоков); *И здесь – / это вовсе не вычурный вымысел – горит наше будущее на примусе...* (Н. Асеев).

В словарной статье синонимического словаря последовательно представлены все элементы семантического пространства «Время»: ряды синонимических прилагательных относятся только к подгруппам «Прошлое» и «Настоящее»: *античный, древний, бывший, прежний, вековой, поздний, предыдущий, патриархальный, современный, современный, теперешний, актуальный* и т. п. Ряды глагольных синонимов с фазисным значением охватывают начало, продолжение и конец действия только в мыслимом настоящем и прошедшем (*наступить, водвориться, прийти, воцариться, отжить, устареть, выйти из моды* и др.); группа синонимичных наречий имеет тот же смысловой состав: *доныне, издавна, заранее, некогда* и др., за исключением наречий *потом, впоследствии, далее, позднее*. Следующая группа словарных синонимов («Время, отмеченное / не отмеченное какими-либо событиями»), куда входит и *жизнь*, в своем составе не имеет единиц, отнесенных к номинации будущего, за исключением рядов существительных *канун, начало*; глаголов *ждать, рассчитывать на появление кого-, чего-нибудь, приступить, начать, стартовать, отсрочить* (отодвинуть на более поздний срок).

Таким образом, языковая или нормативная представительность концепта БУДУЩЕЕ в лексической репрезентации значительно уступает НАСТОЯЩЕМУ и ПРОШЛОМУ. В поэтическом подкорпусе НКРЯ примеры употребления субстантивов *будущее/прошлое* (во всех падежных формах) также весьма заметно асимметричны: М. Лермонтов – 7/12; В. Набоков – 1/18; А. Белый – 1/8; А. Блок – 4/14.

В пределах идеографического поля лексема *будущее* на образно-ассоциативном уровне концептуального значения обладает контекстуальной сочетаемостью с элементами групп «Оценка факта, события, явления относительно времени», репрезентируя семы, указанные в вышеназванном идеографическом словаре синонимов Н. Г. Бабенко. Проанализируем закономерности проявления в ПЯ:

- ‘быстро’ / ‘медленно’: *Но на всех не хватает дач, а будущее – не скоро* (Ю. Мориц); *Не заботясь о прошедшем, / В будущее не спеша...* (Д. Самойлов). Прием создания бинарных семантических оппозиций позволяет отметить, что будущее обычно связано с идеей неспешности, будущее «наступает», «приходит». Тем экспрессивнее образы с противоположенной семой: *На осколке мы планеты / В будущее мчим* (А. Несмелов). Эти примеры наиболее многочисленны;

- ‘всегда’ / ‘никогда’: *Сегодня уже «никогда», будущее вообще* (И. Бродский); *...все в будущее шло – оно казалось вечным* (Б. Кривулин);

- ‘долго’ / ‘коротко’: *Прошлое – птицам, / Будущее – стрекозам* (Е. Шварц); *Только в мимолетности будущее зримо* (Н. Клюев). Заметим, кстати, что эта семантическая модель будущего часто задает образу признак устойчивой хрупкости, одушевленной недолговечности: *Бабочкою кружась... село будущее перед нами* (Б. Пастернак).

Анализ примеров контекстуальной сочетаемости по этим оппозициям говорит о том, что с концептом БУДУЩЕЕ как частью концепта ВРЕМЯ связана прежде всего идея оценки быстроты или медленности наступления события или состояния говорящего – количество примеров первой группы огромно. Нам не удалось найти примеров с семой ‘вовремя’ / ‘невовремя’. Следовательно, их появление будет осмыслено как заполнение периферийной зоны восприятия времени в поэтическом дискурсе.

Следующую возможность когнитивного моделирования концептуального значения дает анализ метафорической сочетаемости. В какие концептуальные поля входит Будущее? Сравним узуальные средства ПЯ: *...здесь та же жизнь текла неслышно, как вода по болотным травам... скорбь о прошедшем таяла в его душе, как болотный снег* (И. Тургенев); *Заводят хоровод / Дней пролетевших стаи, / Прошедшее растет, / А будущее тает* (Г. Глинка); *– И что сказать еще о спящем Ленинграде? На Троицком мосту он виден в небе мгlistом, как прошлого корабль, как будущего пристань...* (С. Кирсанов). «Река времени», «центральная метафора стихотворения» Державина и всех подобных стихотворений «на тленность» бытия (Зырянов, 2015, с. 90), как отчетливо всегда понимает читающий, есть реализованная когнитивная метафора «жизнь течет». Ее семантические варианты, или образная парадигма (термин Н. В. Павлович (1995)): время – болото; время –

снег, время – река. Подобные примеры разной степени узнаваемости и метафорической яркости/стертости принадлежат в ПЯ взаимосвязанным когнитивным образным моделям с признаком асимметричной обратной обратимости *Время – Вода, Бытие – Пространство, Жизнь – Транспортное средство*. Следует отметить, что в ПЯ им свойственен признак образной обратимости: *Вода – Время* и т. п.

Лексему *будущее* можно рассматривать как репрезентант множества концептов, прежде всего БЫТИЕ/НЕ-БЫТИЕ, ЖИЗНЬ и ВРЕМЯ. По отношению к ней концепты являются означаемым, инвариантом, требующим заданного множества означающих. Любые абстрактные сущности всегда есть «проблемные понятия», мыслимые «с той или иной степенью (не)уверенности» (Демьянков, 2007, с. 616). Особенно высока эта «доля (не)уверенности» для поэтического типа мышления. Методологическим средством такой реконструкции является анализ контекстуальной лексической сочетаемости. Концептуализация как задача и образность как ее решение в художественном тексте взаимосвязаны.

В наиболее известной в научной литературе трактовке В. А. Плунгяна (1997, с. 160) абстрактная пустота слова *время* определяется как раз тем, что оно может в каждом из своих употреблений вызывать у носителя русского языка устойчивое ассоциативно-образное представление. Когнитивная модель концепта ВРЕМЯ в естественном языке – это ближайшее ассоциативное значение, закрепленное в «метафорических блоках»: 1) время – путник; 2) время – агрессор; 3) время – субстанция; 4) время – имущество. Мы видим их реализацию в поэтических примерах: *Мол, вот до какой прекрасности Доходит светлое будущее* (Ю. Мориц); *Или это в двери нагло ломится будущее?* (И. Бродский); *Но пей же будущее, пей* (В. Лобода); *За семью печатями, за ночью / будущее демоны хранят* (С. Петров). На материале НКРЯ можно выделить десятки репрезентаций этих базовых семантических моделей.

«Словарь поэтических образов» (СПО, с. 491-492) и «Словарь языка русской поэзии XX века» (СЯРП) позволяют увидеть полную семантическую структуру концепта БУДУЩЕЕ. Когнитивная модель (образная парадигма) строится на генерализующих понятиях, реализованных в связанных друг с другом отношениях семантической производности образных семантических вариантах. Ядерная семантика включает: 1) пространство (первичная и наиболее частотная ассоциация): *...еще нигде не / Числится, кроме широт // Будущего...* (М. Цветаева); 2) водное пространство: *Везде ручьи вдоль рельс играли, / И будущность была мутна* (Б. Пастернак); 3) свет: *Только будущее светит* (С. Стратановский). «Если небытие представить как прямую, не имеющую ни начала, ни конца, ни направления, то появление времени разрывает эту прямую, разделяя бытие и небытие, пространство же устраняет этот разрыв» (Шаталова, 2009, с. 29). Ядром образно-ассоциативного поля художественного концепта выступает не только статическое, но и динамическое пространство – зримо, остро ощущаемое всеми органами чувств говорящего: *Во времени проделана дыра, чтоб в прошлое и будущее влезть* (И. Елагин); *Так мой двойник по быстрине иной / Из будущего в прошлое уходит* (А. Тарковский); *Кто в будущее двинулся, держись, взад и вперед, взад и вперед до пота* (К. Симонов) и т. п. Периферийная зона поэтического подкорпуса включает словосочетания с абстрактными, неовещественными понятиями: *Поэт в ней – образ века своего и будущего призрачный прообраз* (Е. Евтушенко).

Периферийная образная семантика: 4) информация: *Будущее – плюсы, минусы, / Цифры, косинусы, синусы* (Б. Слуцкий); 5) орудие; 6) вместилище: *...в запертое будущее* (В. Маяковский). В сравнении с образностью прошлого, будущее, по данным словаря, реже становится «существом», «тканью», «растением», «звуком» и «стихией», «грузом», «крестом», «камнем», «потерей», «вихрем». Словарь Н. В. Павлович вообще не фиксирует эти семантические варианты парадигмы, несмотря на единичные примеры (НКРЯ): *Но будущее – вещь из камня, и это – ты* (И. Бродский).

Как видим, образная структура двух точек временной оси – прошлое и будущее – не совпадает и по своей семантической структуре: прошлое наделено большим образным потенциалом, в нем главной образной фигурой является сам человек на перцептивно-чувственном, переживаемом пространстве.

В совпадающих образных парадигмах нормой является противоположность оценок: прошлое окрашивается пессимистически, будущее – оптимистически (на это тоже часто обращали внимание вышеперечисленные исследователи): *Горькими слезами звуки налиты: / Это в них рыдают прошлого мечты, / Прошлого ошибки. / Будущее, смело, в ногу – марш вперед!* (Т. Щепкина-Куперник). Синонимия слова «оптимизм» трактуется как «бодрое и жизнерадостное мироощущение, исполненное веры в будущее; склонность во всем видеть хорошие, светлые стороны» (МАС). Однако приведенные примеры из НКРЯ и конкордансов авторских словарей подтверждают эту противопоставленность в поэтическом мироощущении весьма непоследовательно: *...и неизвестное будущее представлялось страшным, как пропасть, у которой не видно дна* (А. Чехов); *Глядя в широкую, плотную спину проводника, думай, что смотришь в будущее, и держись от него по возможности на расстоянии* (И. Бродский). Концепт всегда потенциально содержит амбивалентные значения, поэтому сочетаемость с конкретно-чувственными образными репрезентантами отрицательной оценки типична для поэтического контекста.

В исследовании категории образности ПЯ, на наш взгляд, методически верным является последовательное сопоставление всех семантических вариантов каждой из образных парадигм с целью выявления лексических и грамматических элементов образно-ассоциативного поля. Так, для модели «прошлое/будущее – пространство» это будут: *равнина* (А. Чехов, Л. Мартынов), *темное дно* (А. Белый), *дно морское* (В. Брюсов), *низина болотная* (М. Пришвин), *болотный туман* (Н. Гоголь), *мрачная пропасть, глыба громад* (А. Чехов, В. Хлебников), *ночная тьма* (И. Бродский).

Модель «прошлое/будущее – вместилище» совпадает в образных значениях: *сосуд пуст* (И. Бунин), *решето* (О. Седокова) (СПО, с. 491-492).

Методика тщательно выверенного концептуального анализа В. В. Колесова по денотативным признакам оснований, условий, причин и целей позволяет выделить среди «условий» и «причин» концепта БЫТИЕ следующие:

«...общее, бездна, начало, тайна, чудо, абсолютная полнота жизни, иерархичность, целостность, совершенство, охраняемое, потенциальное реальное, открывается в вере, единое, залегает в глубине мысли, поглощается небытием, соединяет субъект и объект, пронизывает все сущее, открывается целостной жизни духа, поработает человека, не существует» (2021, с. 272). Все указанные семантические признаки реализованы в поэтическом словоупотреблении репрезентанта «будущее»: *И на лице чудесно проступает все то, что в нем таится: гениальность и будущее* (Е. Рейн) и др. Эти признаки позволяют, на наш взгляд, предельно отчетливо увидеть семантическую структуру поля концепта с архисемой 'ценность', 'идеальное'. Сравните с противопоставленностью сем 'духовное' / 'бездуховное': *У Софьи Осиповны не было будущего, была лишь прожитая жизнь* (В. Гроссман). Семантическое богатство поликонцептуального значения лексемы *будущее* поистине неисчерпаемо в поэтической речи. Так, «небытие как неизменность – это всегда прошлое. Бытие как изменчивость – это всегда будущее. <...> Небытие-прошлое поглощает настоящее, пытаясь добраться до бытия-будущего, будущее уходит от прошлого, оставляя настоящее как препятствие для прошлого» (Шаталова, 2009, с. 29). Огромное количество примеров из указанных источников и авторских словарей подтверждает сочетаемость с глаголами семантических групп движения разной степени интенсивности, перемещения, преодоления, речи, мысли, оценки, восприятия, эмоциональной оценки, отношения, фазы бытия, физического действия, явленности и сокрытия, лишения, воображения и др. – когнитивную модель Времени-Пути, описанную Н. Д. Арутюновой (1999). Таким образом, языковую сочетаемость мы можем рассматривать как инвариантную, поэтическую – как семантически и стилистически вариативную область.

Признаки элемента *будущее* концептуального поля Бытие в языке, в узусе проявляются прежде всего в виде устойчивых фразеологических сочетаний и коллокаций, пословиц, афоризмов: *во имя лучшего* (но не *худшего) *будущего, не иметь будущего, лишиться будущего, за завесой будущего* ('тайна'), *светлое будущее, картины счастливого будущего, смотреть в будущее, будущее (находится) не за горами. Прошедшее* мыслится в большей степени как материальное: *можно рыться/копаться в прошлом, но не в будущем, которое мыслится как отнесенное к сфере внутреннего, духовного, желаемого (будущее сулит, предвидеть будущее).*

В общеизвестной «Антологии концептов» под ред. И. А. Стернина указывается на дихотомическую линейно-циклическую модель времени, связанную с пространственным восприятием: *время идет/бежит/летит/течет и время повторяется* (Дударева, 2006, с. 8). Другие оппозиции когнитивных моделей: в одних «главной фигурой является человек» (модель Пути), другие, «которые ориентированы на само время», – модель Потока времени (Арутюнова, 1999, с. 689). У каждой свое метафорическое пространство. Здесь заметим, что подобный метод когнитивного моделирования основан прежде всего на предикативной синтаксической модели, где *будущее* – предмет речи, предикат – его характеристика: *...будущее загорланило триллионом труб* (В. Маяковский). Рамки небольшой статьи не позволяют охватить весь идеографический спектр семантической структуры элемента *будущее* концептуальных полей Бытие, Время. Он многообразен, включает большую приядерную часть, где время определяется человеком, его ощущениями, действиями и ценностями: *Там, где прошлое плюс будущее вдвоем бьют баклуши, творя настоящее, вкус диктует массам объем* (И. Бродский).

Когнитивная метафора содержит семантику оппозиции: *будущее/прошлое строится/разрушается, будущее/прошлое – темно, светло* (кому, куда, где, как?). Образная парадигма сводится в синтаксическом отношении к простому двусоставному глагольному или бисубстантивному предложению: *Будущее – решето; Прошлое – песок; Время – вода*. Образ как предикативное сочетание без труда встраивается в концепцию грамматического, синтаксического времени – и концептуально осмысливается уже в нем: «...будущее связано с процессом развития, им мы называем то, что хотим видеть свершившимся. Установка желания, прогноза, надежды четко ориентирована на будущее время»; «...будущее событие может мыслиться как предполагаемое, связанное с наличием определенных условий, как желаемое, необходимое, обязательное, совершения которого требуют» (Шаповалова, 2020, с. 88–89): *...наши мысли без опаски / В будущее побегут!* (Е. Панфилов).

В методологическом отношении образ (в аспекте «общей образности» и метафорической) всегда может быть изучен в поэтическом тексте со стороны языковой формы: как система словесных рядов и как совокупность синтагматических и парадигматических связей образно интерпретируемого слова. Проективный метод, или анализ сочетаемости субстантива (Чернейко, 2019), позволяет «бестелесным вещам» в поэтической речи абстрагироваться от произведения, как бы встать над ним всей суммой контекстов и «локализоваться во времени и пространстве» в языке с помощью «такого механизма, как ее [абстрактной сущности] проекция на вещный, предметный мир» (Чернейко, 2019, с. 159). Сочетание слов, хотя бы один элемент которого обладает характеризующей семантикой качественного состояния, таким образом, служит категории экспрессивности.

К таким сочетаниям относятся: а) предикативные сочетания слов (*И будущее катится с трудом в огромный дом, секретный водоем...* (О. Седакова)); б) глагольные непредикативные словосочетания (*выбежать из будущего*); в) именные словосочетания с метафорической и неметафорической семантикой (*мрак будущего, стеклянно-ламповое будущее* (Р. Вереск)) и т. п. В основе такого исследования несколько иной прием – это «модель понимания текста как результата естественной обработки языковых данных» (Федотова, 2015, с. 201), последовательно проводимой по синтаксической модели сочетания слов.

Интересно было обратиться к данным НКРЯ и рассмотреть семантическую сочетаемость непредикативных словосочетаний субстантива *будущее* в сопоставлении с дискурсивным антиподом – языком СМИ (газетным подкорпусом), где автоматизация и деавтоматизация восприятия метафоры носит другой характер – не образный, а оценочно-экспрессивный.

Сочетаемость субстантива *будущее* в поэтическом подкорпусе НКРЯ выявляет следующие трансформации:

А. Глагол (девербатив) + существительное в вин. п. и род. п.

Инварианты: *смотреть в будущее, вступать в будущее, вести/идти в будущее, мечтать о будущем*. Образная вариативность охватывает прежде всего семантическую модель с глаголами восприятия: *Карий глаз*

смотрит в будущее, где ни ваз, ни разговоров о воде (И. Бродский). Окаzionale варьирование конструкции связано со стилистической актуализацией: *...плямся в будущее* (О. Чухонцев) – либо выбором неактуального для узуального словоупотребления семантического варианта: *Те, что верят, / Что тянут в будущее робкий взгляд* (С. Есенин). Вторая большая группа семантико-стилистических модификаций охватывает пространственную модель с глаголами движения-перемещения: *Довольно шагать, футуристы, в будущее прыжок!*.. (В. Маяковский). Возможна актуализация грамматической семантики: *И вновь художник, в будущее выслан* (Б. Кенжеев). Образная глагольная вариативность охватывает, как мы отмечали выше, почти все группы акциональных глаголов при множестве образных парадигм, например «время – вещество»: *...соединившей будущее с прошлым* (Ю. Айзенберг), *...мы прошлое и будущее склеим* (Б. Рыжий).

Окаzionale варьирование той или иной модели часто эксплуатируется свойственным для поэтической стилистики приемом градации и гиперболизации, антитезы, контраста, продолжением словесного ряда и множеством других экспрессивных средств: *Но лег – и провалился – как теперь понимаю, в будущее* («время – пространство» в узусе языка мыслится как ось горизонтальная: от «я» – вдаль, как ось вертикальная: от «я» – вверх, в будущее).

Б. Наиболее распространенное и наиболее интересное субстантивное словосочетание – «существительное в им. п. + существительное будущее в род. п.». В поэтическом подкорпусе происходит «овеществление» значения: а) с перцептивным компонентом значения – *голос, зов, запах, краски, эскиз, картины, набросок, музыка будущего*; б) со значением артефакта – *макет, валюта, машина*; в) со значением сооруженного, здания – *камень в здание будущего* (В. Маяковский), *этажи* (Н. Асеев), *храм* (С. Липкин); г) с пространственным значением (одна из самых многочисленных групп) – *город, даль, дороги, мир, горизонт, страна, виды, скрижали* и т. п.; д) с цветовым значением – *будущего мрак, тьма, тень* (М. Лермонтов, В. Жуковский, Н. Гумилев и др.); е) с эмотивным значением – *любовью, страхом будущего* (В. Маяковский, Н. Асеев); ж) оценки – *красота будущего* (Б. Пастернак); з) с названием групп людей – *разведчик будущего* (Н. Асеев), *пророк* (В. Сомов), *друг* (О. Седакова) и т. д.

Газетный подкорпус (около 3 тысяч проанализированных нами примеров) и наблюдения за языком интернет-коммуникации показывают, что стандартизация узуальных сочетаний соответствует нормативному ядру концептуального значения с полностью стертым перцептивным компонентом:

а) с глагольным ядром созидания, преумножения, надежды, желания, борьбы – «строить», «определять», «надеяться на», «вкладывать в», «глядеть на/в»: *Лучшее будущее и процветающее государство можно построить только на фундаменте патриотизма, уважения к великой истории нашего Отечества, к традициям, духовным и нравственным ценностям народов нашей страны* (Парламентская газета. 25.01.2021); *Цифровые профессии в АПК – взгляд в будущее* (Парламентская газета. 15.10.2021);

б) свободное субстантивное сочетание «будущее в им. п. + отвлеченные существительные в род. п.»: *будущее человечества, России, школы, технологии, развития* и т. п.: *Тем не менее будущее журналистики – за «цифрой»* (Парламентская газета. 13.10.2021). Подобные словосочетания в газетном подкорпусе очень частотны и связаны с теми же основными коннотациями: созидания, ожидания, надежды, светлого начала, лучшего в сравнении с настоящим обыденным. Поэтому в коллокациях преобладают существительные с семантикой одушевленности и собирательности: *страны, человечества, мира, народа, компании, детей, нации* и т. п.

Группы коллокаций по модели «имя сущ. + будущего (род. п.)» по большей части включают отвлеченные имена – синтаксические дериваты вышеназванной глагольной лексики или близкие по значению слова: *картина, видение, образ, знание, предвидение*. Таким образом, газетный (и отчасти научный) подкорпус значительно редуцирует семантическую структуру общеязыкового концепта в модели «будущее – созидание/ожидание», исключая из семантики словосочетания конкретно-чувственные перцептивные компоненты, однако это уже может стать предметом анализа других работ исследователей языка СМИ.

Заключение

Итак, типология сочетаемости лексемы *будущее* в системе заданного множества означаемых располагает прежде всего на пространственно-временной оси и отражает заданный тип мышления. Метод лексической сочетаемости бинарных оппозиций позволяет изучать корпус высказываний с лексемой *будущее* в двух направлениях: по соотношению с понятием смыслового ряда (*былое, прошлое, минувшее, настоящее, грядущее*) и по соотношению с бытованием в дискурсивном и стилистическом поле (проза – поэзия, художественный – нехудожественный стили). Это позволяет выявить асимметричные множества словоупотреблений, определить норму и не-норму представления об образной семантике лексемы. Сопоставительный анализ поэтического и непоэтического пространства хорошо подчеркивает заданность, направленность метафоризации и специфику образного или безобразного значения.

В газетном и научном подкорпусах заметно резкое, в несколько раз, снижение количества субстантивных словосочетаний с зависимым существительным. Семантическое преимущество находится у прилагательного *будущий* в основных узуальных значениях. Лексические группы с прогнозируемой сочетаемостью редуют. Деавтоматизация восприятия строится на относительно устойчивых сочетаниях, прежде всего девербативах, компонентах с процессуальным значением: *дело, ожидание, работа будущего*. Вторую большую группу составляют слова с абстрактным значением: *философия, идеология, образ*. В РИНЦ зафиксировано более тысячи статей гуманитарной сферы знаний (психологии, социологии, политологии) с заголовком, включающим словосочетание «образ будущего». Многочисленной является и группа, называющая профессии и профессиональные сообщества: *руководитель, учитель, университет, армия будущего* и т. п.

Проведенное сопоставительное исследование лексической сочетаемости одного лексического репрезентанта универсалии Будущее продемонстрировало, что поэтический язык не есть только проекции семантического устройства естественного языка на какую-либо сферу дискурса, но и самостоятельно существующее, структурно организованное смысловое пространство. Четко прослеживаются лексические связи слова с выбранным говорящим поэтическим или нехудожественным типом сознания.

В качестве перспектив исследования можно назвать дальнейшее развитие комплексного лингвокогнитивного описания особенностей функционирования художественных универсалий (образов и концептов) в различных типах дискурса современного ЯХЛ и коммуникативных стилей, прежде всего – языка СМИ и интернет-коммуникации.

Источники | References

1. Арутюнова Н. Д. Время: модели и метафоры // Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.
2. Бабушкин А. П., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика и семасиология: монография. Воронеж: РИТМ, 2018.
3. Баевский В. С., Романова И. В. Художественный мир Достоевского в художественном мире русской литературы XIX-XX веков // Достоевский и мировая культура: альманах. М., 2007. Вып. 22.
4. Белый А. Пушкин, Тютчев и Баратынский в зрительном восприятии природы // Семиотика: антология / сост. Ю. С. Степанов. М. – Екатеринбург: Академический Проект; Деловая книга, 2001.
5. Григорьев В. П. Поэтика слова: на материале русской советской поэзии. М.: Наука, 1979.
6. Демьянков В. З. Термин «концепт» как элемент терминологической культуры // Язык как материя смысла: сборник статей в честь академика Н. Ю. Шведовой / отв. ред. М. В. Ляпон. М.: Азбуковник, 2007.
7. Дударева З. М. Время // Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2006. Т. 4.
8. Зырянов О. В. «Река времен...» как сверхтекстовое образование в русской поэзии XIX-XX вв. // Уральский филологический вестник. Серия: Русская классика: динамика художественных систем. 2015. № 3.
9. Колесов В. В. Концептуальное поле русского сознания. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2021.
10. Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб.: Искусство-СПБ, 1998.
11. Нагина К. А. Пространственные универсалии русской поэзии. Воронеж: Речь, 2014.
12. Павлович Н. В. Язык образов: парадигмы образов в русском поэтическом языке. М.: Институт русского языка, 1995.
13. Плунгян В. А. Время и времена: к вопросу о категории числа // Логический анализ языка. Язык и время / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко. М.: Индрик, 1997.
14. Ратковић Д. Песник и емиграција: концептосфера дома и домовине у поезији Александра Петрова. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2020.
15. Федотова О. С. Когнитивное моделирование как метод познания и изучения объекта в научных исследованиях // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 4-2 (46).
16. Чернейко Л. О. Понятия «проекция» и «проективный смысл» в терминосистеме когнитивной лингвистики // Критика и семиотика. 2019. № 2.
17. Шаповалова Т. Е. Темпоральная семантика поэтического высказывания: монография. М.: ИИУ МГОУ, 2020.
18. Шаталова О. В. Концепт БЫТИЕ в русском языке: дисс. ... д. филол. н. М., 2009.
19. Эпштейн М. Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высшая школа, 1990.

Информация об авторах | Author information

Халикова Наталья Владимировна¹, д. филол. н., проф.

Шаталова Ольга Викторовна², д. филол. н., проф.

^{1,2} Государственный университет просвещения, г. Мытищи, Московская область

Khalikova Natalia Vladimirovna¹, Dr

Shatalova Olga Viktorovna², Dr

^{1,2} State University of Education (SUE), Mytishchi, Moscow Region

¹ vlstd@yandex.ru, ² olshatalova@rambler.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 05.11.2023; опубликовано online (published online): 22.12.2023.

Ключевые слова (keywords): художественный концепт БУДУЩЕЕ; когнитивное моделирование; образность; лексическая сочетаемость; literary concept FUTURE; cognitive modelling; imagery; collocability.